

Евгений
Рудашевский

ГОРОД СОЛНЦА СТОПА БОГА

КомпасГид
издательский дом

Город Солнца

Евгений Рудашевский

Город Солнца. Стопа бога

ИД "КомпасГид"

2018

УДК 821.161.1-31-93
ББК 84(2=411.2)6-44

Рудашевский Е.

Город Солнца. Стопа бога / Е. Рудашевский — ИД "КомпасГид",
2018 — (Город Солнца)

ISBN 978-5-00083-445-9

Всё началось с непримечательной картины – и кто бы мог подумать, что она приведёт Максима в Индию? Полотно Александра Берга «Особняк на Пречистенке» стало для 19-летнего героя дверью в мир бесконечных загадок и шифров – мир, построенный его исчезнувшим семь лет назад отцом. К отцу у юноши много вопросов, но как их наконец задать, если каждый следующий шаг ничуть не приближает к долгожданной встрече? Здесь, в глухой индийской провинции, герою предстоит разобраться с новой зацепкой – книгой Томмазо Кампанеллы «Город Солнца». Отцовские намёки почему-то ведут именно к потрёпанному экземпляру этой старинной утопии. Максиму помогут разобраться друзья Дима и Аня, отправившиеся вслед за ним. Но помогут ли? Кажется, доверять в этом затянувшемся путешествии нельзя вообще никому... Вторая часть приключенческой серии «Город Солнца» соединяет в себе детектив, семейную сагу и триллер. Евгений Рудашевский развивает историю студента-журналиста Максима самым непредсказуемым образом, включая в неё всё то, в чём прекрасно разбирается сам: исторический и этнографический контекст, головоломки и криптограммы, тончайшие нюансы человеческой психологии. Тетралогия «Город солнца» – это авантюрно-детективная эпопея с двойным дном, главные герои которой впервые по-настоящему сталкиваются с миром взрослых во всём его порой неприятном, а порой изумительном многообразии.

УДК 821.161.1-31-93
ББК 84(2=411.2)6-44

ISBN 978-5-00083-445-9

© Рудашевский Е., 2018

© ИД "КомпасГид", 2018

Содержание

Глава первая. Ауровиль	7
Глава вторая. Незванные гости	13
Глава третья. Зои	17
Глава четвёртая. опасное решение	22
Глава пятая. Баникантха	28
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Евгений Рудашевский

Город Солнца. Стопа бога

© Рудашевский Е. В., текст, 2019

© Оформление. ООО «Издательский дом «КомпасГид», 2019

* * *

In angello cum libello

*Лиши их благоденствия и крова –
Пусть жизнь в лицо посмотрит им сурово,
А то уж чересчур спокойствием полны,
Бенгалия, сейчас твои сыны!..
Бенгальцами ты вырастила их,
Но нет борцов среди сынов твоих!*

Рабиндранат Тагор

*...всё видимое нами –
Только отблеск, только тени
От незримого очами?*

Владимир Соловьёв

Глава первая. Ауровиль

Салли запутался. Не понимал, что удерживает его в Ауровиле: страх, желание отомстить или слепое отчаяние. Прошло почти семь лет. Две тысячи четыреста сорок восемь дней непрерывного ожидания, каждый из которых был старательно перечёркнут красным маркером на календаре – навсегда и безрезультатно вымаран из его, Салли, жизни.

Он мог сбежать. Первое время за ним следили – назойливо, неотступно. Проверяли каждый его шаг. Салли даже в магазин ходил под надзором. В городке работали подставные охранники, уборщики, продавцы. На деревьях висели скрытые камеры, телефоны прослушивались. Но за последние годы всё как-то успокоилось. Никаких звонков, никаких допросов. Из всех скрытых надзирателей в Ауровиле остался Баникантха, который, как и Салли, теперь работал в Гостевом центре. Ничто не мешало тайком собрать вещи и улететь куда-нибудь подальше – спрятаться в глуши и там начать новую жизнь. Но Салли остался на месте.

– Пора запускать, – не повернув головы, сказал Баникантха.

Одетый в хлопковые чёрные брюки и синюю долгополую рубашку, индеец стоял возле окна. Смотрел вниз, на собравшихся у кафе туристов, и сочно жевал неизменную бетелевую жвачку. Омерзительная и не самая здоровая привычка.

– Рано, – глухо ответил Салли.

Баникантха сплюнул из окна густой бордовой слюной. Проследил за тем, как она пролилась на цветочную клумбу, и с игривой интонацией заметил:

– Люди ждут.

Салли с отвращением отвернулся. Научился сдерживать себя. Раньше кричал на индийца, угрожал ему. А теперь знал, что Баникантху ничем не пронять. Что бы ни происходило, тот оставался невозмутим. Только начинал активнее жевать жвачку и чаще сплёвывать, что ещё больше злило Салли.

Без двадцати два. Индеец был прав, двери следовало открыть, но Салли не торопился. Прошёлся по офису, окинул взглядом его скупую обстановку: три простеньких стола, белые пластиковые стулья, крапчатые шторы на окнах, два шкафа из дешёвой древесины и, конечно, большой календарь с портретом Мирры Альфассы, основательницы Ауровиля.

«Город рассвета». «Обитель надежды». Первое здание здесь возвели в середине шестидесятых. Мирра Альфасса, ученица йога Шри Ауробиндо, которую чаще называли просто Мать, тогда заявила, что Ауровиль – «последняя надежда на спасение от надвигающейся катастрофы». Она установила в своём городке равенство людей вне зависимости от цвета кожи, веры и убеждений, и сюда действительно устремились поселенцы со всего мира – те из них, кто хотел принять участие в одобренном индийским правительством эксперименте по созданию идеального города.

«Ауровиль – убежище для тех, кто хочет двигаться навстречу знанию, миру и единству». «Ауровиль должен стать всемирным городом, где мужчины и женщины всех стран смогут жить в гармонии». «В Ауровиле нет законов, налогов, полиции. Только совместная работа и совместное развитие. Бесплатные еда, образование и возможность совершенствоваться в любом из выбранных направлений». Салли заучил эти отрывки из книг Альфассы, часто повторял их новичкам – тем, кто приехал в Ауровиль из любопытства, и тем, кто задумал остаться здесь навсегда. Её книги продавались по всему городку: поучения, катехизисы, сборники цитат и отдельные манифесты. Альфасса объясняла своим последователям, как правильно питаться, заниматься йогой, воспитывать детей, думать, расслабляться...

– Чёртовы сектанты, – скривился Салли и достал из стола список хостелов. – Запускай!

Баникантха не отреагировал. Он никогда не спешил выполнять поручения, и Салли к этому привык. Они с индийцем так и жили – в упрямом молчаливом соперничестве, будто не могли определить, кто из них главный.

Салли начал без необходимости просматривать другие папки. Среди них была красная – с бланками для тех, кто хотел стать постоянным жителем Ауровиля. Ни одного бланка за последние четыре месяца Салли не использовал. Теперь сюда приезжали только туристы. Когда-то в Ауровиле ютились американские, немецкие, французские хиппи и прочие «дети цветов», а теперь на две тысячи жителей тут едва ли сотни три белокожих, из которых большая часть переехала в Индию ещё в девяностые. В основном женщины лет пятидесяти. Из молодых – только те, кто здесь же и родился. Остальные – индийцы. Этих тут предостаточно. И молодых, и старых.

Мягко щёлкнул дверной затвор. Баникантха наконец открыл дверь. Новички один за другим вошли внутрь. Неуверенно осмотрелись – наверняка ждали, что Салли им улыбнётся или как-то иначе проявит радушие. Но Салли уже давно не улыбался приезжим.

Девять человек с рюкзаками и чемоданами. Негусто. Их перешёптывание заглушал лёгкий гул потолочных вентиляторов и двух системных блоков. Баникантха сел за ближайший стол, а его место возле окна тут же занял один из новичков – уселся на подоконник и со скучающим видом уставился в пол. «Ещё один умник. Как будто стульев мало».

– Добро пожаловать. – Салли провёл платком по влажной шее. Днём жара становилась невыносимой.

Когда все расселись, Салли без предисловий перешёл к рассказу о том, как устроена работа Гостевого центра и всех учреждений, расположенных на его территории. Затем торопливо, толком ни на кого не глядя, начал перечислять общие правила поведения в Ауровиле:

– Ничего не давайте попрошайкам. От них потом не отделаться, будут съезжаться сюда толпами, а нам этого не надо. Старайтесь обращаться только к тем массажистам и учителям йоги, которые официально работают в наших терапевтических центрах, иначе рискуете нарваться на проходимцев. Любые виды наркотиков в Ауровиле запрещены. Алкоголь здесь также не приветствуется, и приобрести его на территории городка вы не сможете.

Монотонное повторение одних и тех же слов. Салли иногда развлекался – пробовал попутно, не прерывая речь, решать про себя задачи на умножение или деление. Углубившись в подсчёты, потом вздрагивал и с привычным удовлетворением признавался себе, что продолжает связно и последовательно перечислять неизменные пункты.

– Некоторые из местных индийцев, в том числе дети, предлагают сомнительные услуги. Настоятельно рекомендуем воздерживаться от них.

Салли без интереса осмотрел новичков. Кажется, их забавляли его нотации. Семеро белых и двое темнокожих. Все в лёгкой европейской одежде. Мужчины и женщины.

– Девушки в Индии одеваются скромно, почти полностью скрывают тело, даже ноги. Вам рекомендуется поступать так же, чтобы не подавать ложные знаки окружающим. Это касается и посещений пляжа, где предпочтительно использовать закрытые купальники.

Салли с недовольством взглянул на молодого белокожего новичка, сейчас разместившегося на подоконнике; невольно задержал на нём взгляд. Парню было не больше двадцати лет. Самый обычный. Таких тут за лето проезжает не меньше сотни. И всё же что-то в нём привлекло внимание Салли, и он пока не мог понять, что именно.

– Публичные проявления чувств не приветствуются. Держаться за руки, целоваться или обниматься – всего этого лучше избегать.

Парень был в джинсах и белой футболке с V-образным вырезом. Из-под коричневой кепки торчали каштановые волосы, на щеках едва наметилась щетина. Солнце припекало через стекло, и лоб у новичка покрылся испариной, однако он предпочитал сидеть именно на под-

оконнике. «Что же в тебе такого?» – спрашивал себя Салли и чувствовал, как странное, необъяснимое волнение с каждым мгновением нарастает.

– Насилие на дорогах Ауровиля участилось. Всё больше женщин становятся жертвами домогательств. В нашем Центре здоровья открыта Служба женской безопасности, при необходимости обращайтесь туда.

Парень теперь сидел с закрытыми глазами. Речь Салли его не заинтересовала, он просто ждал возможности зарегистрироваться в одном из гостевых домов. Рядом с новичком лежал брезентовый однолямочный рюкзак. Больше никаких вещей. Приехал налегке.

– Не ходите без сопровождения в тёмное время суток. Это касается и мужчин. Оставляйте ценности в сейфе. Следите за состоянием вашего мопеда. Перед выездом убедитесь, что в нём достаточно бензина. И внимательно следите за тем, кто вас окружает... Насилие на дорогах Ауровиля участилось.

Салли не отрываясь смотрел на новичка. Другие приезжие заметили это. Наверняка решили, что Салли недоволен его пренебрежением. Хорошо, пусть так и думают.

– Если вы не уверены в собственной безопасности, звоните нашим волонтерам, они бесплатно сопровождают вас по любому маршруту в Ауровиле. Услуга доступна с шести до десяти часов вечера.

Теперь даже Баникантха заметил настойчивый взгляд Салли. Перестал жевать бетелевую жвачку и застыл, пытаясь понять, что в этом парне особенного. Затем вопросительно посмотрел на Салли. Значит, догадался. Трудно не догадаться.

– Если к вам приближается незнакомец, вызывающий подозрение, постарайтесь перейти в людное место. Не стесняйтесь кричать, свистеть и вообще шуметь как можно громче. Постарайтесь сфотографировать незнакомца.

Всё же Салли не был уверен. Парень вполне мог оказаться каким-нибудь бельгийцем или французом. Оставалось подождать его очереди, заглянуть к нему в паспорт. Если только он не приехал сюда с фальшивыми документами.

– Вы уже в третий раз об этом говорите! – неожиданно возмутилась одна из женщин.

– Что? – Салли нахмурился.

– «Насилие на дорогах Ауровиля участилось». Вы уже три раза об этом сказали! Неужели всё так плохо?

Салли растерянно улыбнулся.

– Нет, вам просто...

Не мог вспомнить, на каком пункте остановился. Запутался впервые за все эти годы и теперь нервно царапал ногтями шероховатую кромку стола.

– Всё в порядке, – ответил Салли и тут же перешёл к последним формальностям, больше не желая твердить стандартный список правил и предостережений.

Должно быть, его голос выдал волнение, потому что парень на подоконнике открыл глаза. Салли отвёл взгляд. Заставил себя смотреть на собственные руки и сбивчиво объявил о необходимости внести депозит в пятьсот рупий.

– Здесь всё готово для нормальной жизни. Детский сад, школа, поликлиника, исследовательский центр и... всё остальное. Чтобы воспользоваться Солнечной кухней, общим интернетом и... вам нужно оформить карточку постоянного жителя. Её выдают только после недельного проживания, а пока будете расплачиваться наличными. – Салли торопился. Говорил сбивчиво, и чем больше путался, тем сильнее злился.

Новички теперь шептались ещё громче. Салли захотелось ударить кулаком по столешнице, потребовать полной тишины, однако он сдержался. Раздражал даже стрёкот потолочных вентиляторов. И чавканье Баникантхи. И смех из кафе на первом этаже.

– Если задумаете переехать в Ауровиль, обращайтесь ко мне. Но учтите, у вас должно быть достаточно средств, чтобы первые годы существовать самостоятельно. Нужно время осво-

иться, да... Тут каждый находит себе дело. Кто-то шьёт одежду, кто-то выпаривает ароматические масла, открывает тату-салоны и салоны массажа, обучает приезжих сёрфингу и йоге, занимается сельским хозяйством...

Салли забыл сказать что-то важное – из того, что раньше всегда говорил новичкам. У него даже имелось наготове несколько шуток, но сейчас его интересовал только парень на подоконнике, кем бы он, чёрт возьми, ни оказался.

– Всё! – чересчур громко сказал Салли. Ему было наплевать, что о нём подумают. – Начинаем регистрацию. Подходите.

Новички садились за его стол, просматривали список хостелов, изучали цены и карту Ауровиля, а парень словно издевался над Салли – по-прежнему сидел на подоконнике, явно готовился идти последним. «Пусть так. Никуда не денешься».

Новички до тошноты долго расспрашивали о внутреннем распорядке, о работе магазинов. Затем с надоедливой дотошностью разглядывали бесплатный билет на смотровую площадку перед Матриманди́ром – храмом, расположенным в центре городка, – и спрашивали, как записаться в зал для медитаций.

Женщина, напуганная трижды упомянутым насилием на дорогах Ауровиля, попросила продиктовать ей телефоны Службы безопасности и задала с десятка совершенно глупых вопросов. Салли отвечал невпопад, а под конец сказал, что всё можно прочитать в брошюрах, и с таким недовольством посмотрел на женщину, что та предпочла наконец забрать свою гостевую карту и уйти.

Парень, сидевший на подоконнике, в самом деле подошёл последним. Вблизи сходство показалось ещё более очевидным. Эти едва приметные ямочки на щеках, прямой нос и чуть изогнутые брови, будто навсегда застывшие в праздном недоумении. А главное, этот лёгкий прищур и скупая улыбка, отмеченная лишь уголками сухих губ.

Салли не мог пошевелиться. Напряжение стало невыносимым. Спрятав руки под стол, сквырнул болячку на большом пальце. Не помогло.

– Мне нужен хостел возле этого дерева. – Парень положил на стол фотографию.

Сказал почти без акцента. «Даже голос похож...»

Салли взглянул на фотографию, и напряжение разом ослабло. По ногам и груди растеклось приятное бархатистое тепло. Салли размяк. Тело стало таким податливым, будто он несколько часов дремал на пляже, убаюканный жарким солнцем и солёным дыханием океана.

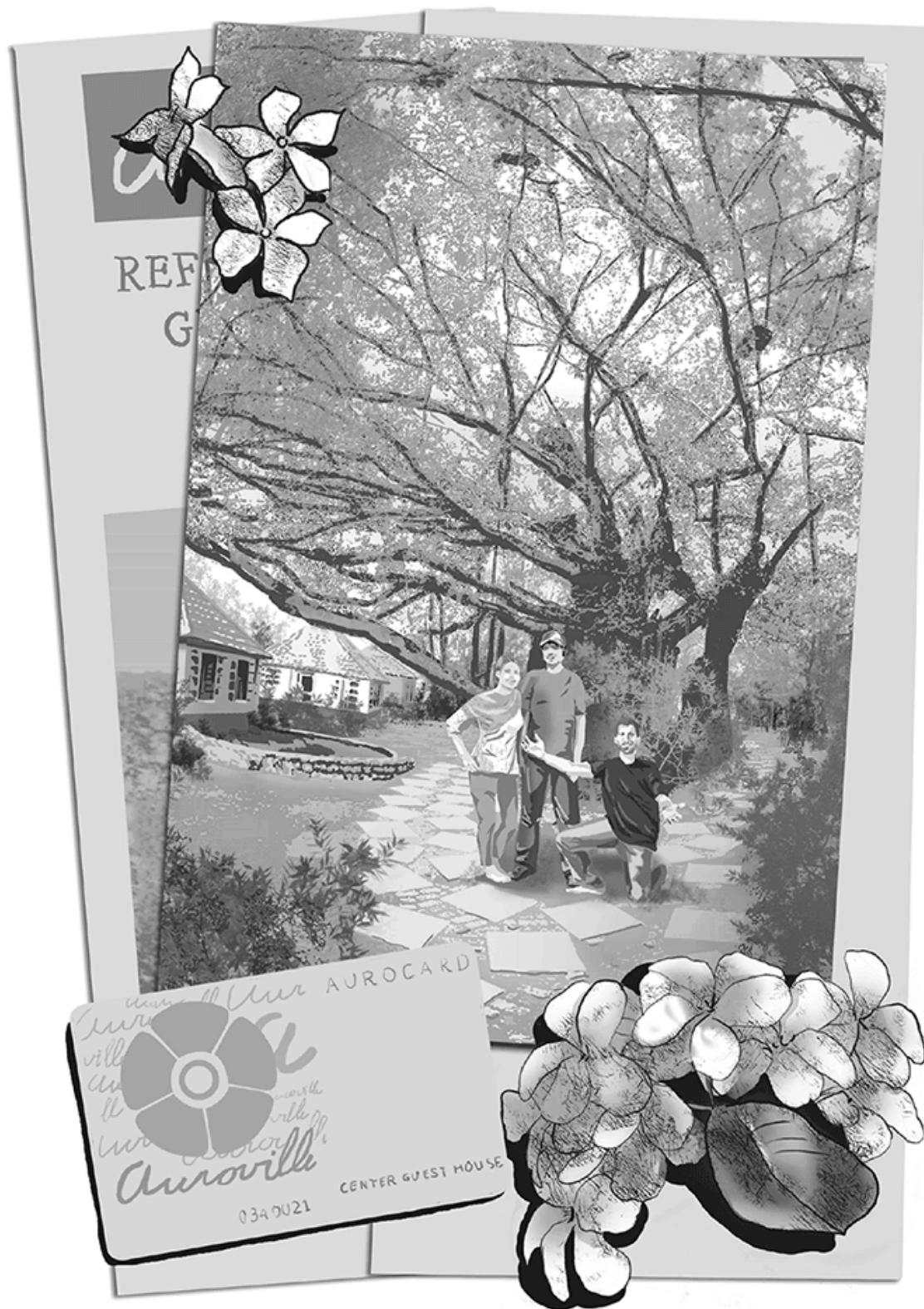
– Вы знаете, где это? – спросил парень.

– Конечно. – Салли подцепил ногтем фотографию.

Да, это дерево – старый баньян – ему было знакомо. Эта бетонная дорожка, эти каменные клумбы, одноэтажные домики с терракотовой черепицей. И эти три человека, с таким задором смотревшие в камеру.

– *Mysterium tremendum*, – прочитал он на обороте снимка. – Великая тайна, да?

МАМА, ОТЕЦ, Сальников. 1998 год.
НИКОГДА НЕ ВИДЕЛ МАМУ ТАКОЙ СЧАСТЛИВОЙ

– Это далеко отсюда?

– Нет, что вы. У нас тут всё близко. По крайней мере, в границах Зелёного пояса.

Салли опустил голову – сделал вид, что ищет подходящий хостел в общем списке. Не хотел, чтобы его выдала улыбка. Никак не мог от неё избавиться.

Ожиданию в Ауровиле, кажется, пришёл конец.

Глава вторая. Незванные гости

Максим устал от духоты и постоянной жары, к тому же хотел спать, однако насторожённость взяла своё. Он опустился на колени. Поднял с каменного пола прозрачный кусочек пластика. Осмотрел его. Затем встал и прислонился к двери. Прислушался. Это была дверь в его комнату. Внутри слышалась тишина. Кажется, никого. «Паранойя». Никто не знал, где сейчас Максим. О поездке в Ауровиль, расположенный на две с половиной тысячи километров южнее Дели, он не рассказал даже маме, и всё же постоянно напоминал себе о необходимости бдительности.

Третий день в Индии. Максиму до сих пор казалось невероятным, что он улетел из Москвы. Впрочем, постоянная слежка, разбитая голова отчима, сломанные пальцы одного из сокурсников, наконец, исчезновение Погосьяна, маминого друга из Русского музея, – всё это не оставило ему выбора.

Отец Максима в безумных мечтах о древних артефактах обокрал коллекционера Скоробогатова. Тот поначалу охотился за украденной у него картиной «Особняк на Пречистенке», однако, заполучив её, продолжил преследовать Максима и этим доказал, что Шустов-старший похитил у него нечто куда более ценное. И вот Максим прилетел в Индию, которая встретила его сорокаградусной жарой. Три дня назад, выйдя из-под кондиционеров аэропорта в Дели, он замер – почувствовал, что задыхается. Влажный воздух был густым, почти осязаемым. Тело мгновенно покрылось испариной.

Солнце, скрытое за липкой плёнкой облаков, почти не жгло и всё же слепило. Максим сдался первому из настигнувших его таксистов. Согласился заплатить пятьсот рупий, не слишком разбираясь, насколько честной была такая цена. Поездка из аэропорта в центр индийской столицы оказалась оглушительно хаотичной. Водитель без сомнений перестраивался с левостороннего движения на правостороннее, останавливался на кольце поговорить со знакомым таксистом, с нескрываемым задором шёл на обгон машины, которая сама выехала на встречную полосу, чтобы в свою очередь обогнать перегруженный пассажирами автобус. У обочины мелькали запряжённые ослими телеги и велосипеды с двухметровыми пирамидами из связанных корзин или стогов сена. Едва прикрытые грязной тряпкой бедняки, погонщики скота, косматые чертенята-дети, попрошайки и торговцы ветхим скарбом успевали перекрикиваться с пешеходами, которые шли напролом через дорогу и не обращали ни малейшего внимания на надрывные сигналы вокруг.

Максим с немим удивлением следил за тем, как по заборам перебегают обезьяны с крючковатыми хвостами, как горожане не стесняются справлять нужду на тротуаре, толком не отвернувшись и потом беззаботно продолжая свой путь. Здесь всё казалось необычным, даже рекламные щиты и объявления: всюду висели предложения осветлить кожу, воспользоваться услугами электрического крематория или сходить в аквапарк, на плакатах которого радостные индийцы купались исключительно в одежде. Не менее странным было предложение сходить в Музей борьбы за освобождение, чтобы узнать о судьбе одного из сикхов, публично казнившего себя «во имя свободы индийского народа и защиты коров».

Максим не хотел задерживаться в Дели, поэтому в центре города первым делом нанял такси до Джайпура и купил авиабилет до Пудучерри. Если верить индийцу из билетной конторы, такой маршрут был самым дешёвым с учётом летнего наплыва южан и крикетных болельщиков – в эти дни они заполнили север Индии.

– От Пудучерри до Ауровиля близко, километров десять. Доберётесь без проблем.

– Сколько возьмёт таксист? – спросил Максим.

– До Джайпура шесть часов, – объяснил индиец. – И нужно платить налоги, пошлины за пересечение границ штата, сборы на платных трассах, вы же понимаете.

– Сколько?

– Две тысячи рупий, сэр.

«Тысяча восемьсот рублей», – прикинул Максим. Решил, что цена допустимая, и согласился. Вновь спрятавшись за стеклом автомобиля, он наконец расслабился. Знал, что до вечера никто его не потревожит, надеялся за это время обдумать первые шаги в Ауровиле. Ведь у него не было ни единой зацепки, если не считать старой фотографии ветвистого дерева и сведений о том, что в Ауровиле когда-то работало представительство отцовской «Изиды».

За городом Максима встретили разодетые в оранжевые одежды паломники-шиваиты. Они были повсюду, тянулись вдоль шоссе извитой линией, изредка перекрывали движение – пели, танцевали, размахивали пёстрыми флагами и обсыпали друг друга листьями и лепестками бенгальской айвы. Водители останавливались, терпеливо ждали возможности проскочить дальше, а рядом с машинами невозмутимо вышагивали чистые, выложенные до бархатистости коровы с высокими рёбрами-шпангоутами и длинными блестящими рогами.

Изредка встречались отдельные богатые процессии – сгустки оранжевых красок. Они неспешно продвигались под гул барабанов в сопровождении множества танцующих и неизменно оканчивались тяжёлой повозкой, в которой неподвижным идиолом восседал человек с белой бородой, в красных с бордовым одеждах и с непоколебимо святым видом. Максим рассматривал эти процессии. Не понимал сути происходящего, но с интересом подмечал каждую новую деталь, удивляясь собственному восторгу, из-за которого никак не мог сосредоточиться на мыслях об Ауровиле.

Когда машина останавливалась, к её окнам приближались нищие с грудными младенцами, с покорными до уныния обезьянками, с гроздьями зелёных бананов или бродячие факиры с облупленными, едва шевелившимися кобрами, которых они то и дело подбадривали щелчками по голове.

Поток паломников оставался неисчерпаемо густым на протяжении всего пути. Жители местных деревушек просили их о благословении, а каждые пять-семь километров устраивали для них широкие навесы, под которыми любой мог бесплатно отдохнуть от палящего солнца и поесть из общего котла. Под навесами шиваиты дремали в невообразимой тесноте, прижавшись друг к другу, слившись в единую пыльно-оранжевую массу.

От водителя Максим узнал, что в праздник Шивы паломники отправлялись из родных городов к берегам одной из священных рек, Ганги или Ямуны, чтобы зачерпнуть в ведёрко воды, а затем пешим ходом, по возможности босиком, возвращались домой. Там они изливали воду на принадлежавшую семье статую Шивы, тем самым усиливая её способность защищать от невзгод и творить чудеса. Иные паломники проходили по несколько сотен километров. Их путь в губительной жаре и влажности мог затянуться на восемь-десять дней. Встречались и те, кто всю дорогу одолевал бегом, задерживаясь лишь на короткие ночёвки.

– Не всем хватает сил вернуться домой, – признался водитель.

Жара в самом деле стала гнетущей, припекало даже в машине с кондиционером. Коснувшись потолка, Максим отдернул руку, до того горячим тот оказался. Неудивительно, что дальнобойщики, припарковавшись на обочине, предпочитали отдыхать под днищами своих грузовиков.

К вечеру Максим добрался до Джайпура – «розового города», в котором закон уже больше века обязывал жителей строить дома исключительно из розового камня. Несмотря на это традиционное цветное однообразие, кварталы здесь были по-индийски цветастыми из-за броских, наклепленных друг на друга объявлений и рекламных плакатов. Распрощавшись с водителем, Максим заторопился в отель. Не хотел оставаться на улице. Стоило выйти из машины и вдохнуть дымную ароматность Джайпура, как интерес к индийской жизни ослаб. Недовольство и тоска по дому только увеличились, когда Максим увидел свой номер на пер-

вом этаже – тесную коробку, в которой немудрено однажды проснуться и обнаружить, что ты у себя в постели превратился в страшное насекомое.

Максим не мог уснуть и до первых сумерек простоял возле окна. На улице громко торговали крупной, орехами, пряностями. Над сточной канавой, не снимая сари – длинного куса ткани, обёрнутого вокруг тела и одним концом перекинутого через плечо, – мылилась и обливалась из таза женщина. Рядом с ней, на тротуаре, работал брадобрей: скользил опасной бритвой по шее очередного клиента, ничуть не заботясь о том, что в метре от его подвижного локтя проезжали машины и мопеды. Тут же его помощник сковыривал у другого клиента большую папиллomu в подмышке – оттягивал её пальцами и пробивал в основании иголкой.

Максим невольно задумался, как здесь, в Индии, чувствовал себя отец. И не только в Индии – везде, где ему довелось побывать во время бесчисленных и безумных экспедиций, от Африки до Южной Америки. Отойдя от окна, рухнул на кровать. Лежал с закрытыми глазами на затхлой простыне и пытался вообразить, как пройдёт встреча с отцом, если тот в самом деле окажется в Ауровиле. Готовился встретить его непроницаемым взглядом. Ни слова не говорить ему о том, как страдала мама, как в муках умирал дедушка. Главное, сбросить на отца историю со Скоробогатовым – пусть сам разбирается со своими долгами – и без промедления вернуться назад, к нормальной жизни.

А ведь у Шустова-старшего тут, в Индии, или в другом, не менее отдалённом уголке мира вполне могла появиться новая семья. «Плевать. Ко мне это не имеет отношения».

Что делать, если отца не окажется в Ауровиле, Максим не знал. Чего добивался Скоробогатов, почему так отчаянно искал следы Шустова? Как объяснить странности, связанные с картиной Берга, которую тот, если верить установленным датам, написал уже после своей мнимой смерти? Что означает символ, найденный на внутреннем слое «Особняка», да и сам изображённый там город? Наконец, зачем вообще отец оставил путаные подсказки, которые в итоге привели Максима в Индию? Слишком много вопросов, а вместо ответов – догадки, фантазии, подозрения и ничего более.

Погрузившись в тревожные мысли, Максим и не заметил, как уснул. На следующий день отправился напрямик в аэропорт, где провёл в ожидании почти четыре часа, прежде чем услышал о посадке на свой рейс.

В Пудучерри найти такси до Ауровиля не составило труда, и через сорок минут Максим уже стоял на входе в Гостевой центр. Администратор, неприятный мужчина, лицо которого было исполосовано глубокими шрамами и частично обожжено возле шеи, опознал дерево на фотографии и сумел подобрать ближайший к нему гостевой дом.

Максим наспех заселился в номер и сразу отправился к баньяну, под которым двадцать лет назад сфотографировались такие улыбочивые мама, отец и его партнёр по «Изиде» Константин Сальников. По словам мамы, Сальников в своё время нянчился с маленьким Максимом, помогал ей справиться с чересчур резвым для своего возраста мальчишкой. Сейчас, оказавшись поблизости, он помог бы, многое объяснил бы... Вот только, если верить Покачалову, ещё одному партнёру отца по «Изиде», Сальников давно вышел из игры: *«У Кости была жена и дочка. И я видел, что с ними сделали. А потом они взялись за меня. Но мне повезло, да, повезло. А вот про Костю я с тех пор ничего не слышал».*

Вспоминая этот разговор, Максим ходил вокруг большого баньяна. Довольно низкую крону удерживали толстый ребристый ствол и десятки воздушных корней, некогда свисавших с веток, а теперь вросших в землю и превратившихся в самостоятельные стволы. Баньян почти не изменился, был таким же, как на фотографии. Максим остановился на том месте, где когда-то стоял отец. Замер. Прислушался. Будто надеялся, что произойдёт нечто важное. Будто ему было достаточно добраться до городка, указанного на отцовском глобусе, и разгадка всех тайн сама упадёт в руки. Но ничего подобного не произошло.

Максим без толку крутил подставку из-под глобуса. Вспоминал подсказку из зашифрованного письма: *«Когда мир лишится оков, оковы станут ключом, и ты расскажешь о своём путешествии, чтобы узнать мою тайну. А вместо крови прольётся вода»*. Каким образом превратить оковы в ключ, Максим не понимал. Оставалось разузнать что-нибудь о некогда работавшей здесь «Изиде». Ведь могли сохраниться архивы, письма, папки, хоть что-то! Но первым делом Максиму нужно было как следует выспаться. Он даже в Гостевом центре умудрился дважды задремать.

Максим неспешно вернулся в гостевой дом. Поднялся на второй этаж и тогда увидел, что перед его дверью лежит прозрачный кусочек пластика. Поднял его, сжал в кулаке. Прислонился к двери, но ничего подозрительного не услышал. Помедлил в сомнениях. Наконец достал из рюкзака ключ.

Вошёл внутрь.

Заглянул в ванную. Прошёлся по комнате. Выглянул на балкон и с подозрением осмотрел заросли ближайших кустов, уже тонувших в сумраке надвигавшейся ночи. Затем переворошил кровать. Ничего не обнаружил.

Вновь посмотрел на кусочек пластика. Днём вырезал его из бутылки. Простейший маячок – закладываешь под дверную петлю, а вернувшись, сразу видишь, что у тебя побывали незваные гости.

Горничных тут не было. Постельное бельё предстояло сдавать и обменивать на чистое самостоятельно. Да и какая горничная пошла бы обслуживать номер, в который едва заселился новый жилец? Быть может, стандартная проверка? Мало ли что привёз новичок. Наркотики или оружие. Какую-нибудь запрещённую литературу. «Вот тебе и город свободы». В конце концов, уборщица могла заглянуть сюда по ошибке, перепутав этот номер с другим, где требовалась уборка после выселившегося постояльца. Такие объяснения отчасти удовлетворили Максима.

«Паранойя...»

И всё же, укладываясь спать, он обещал себе быть настороже и смотреть по сторонам. Ведь именно об этом просил администратор Салли в Гостевом центре: следите за уровнем бензина в баке и за тем, кто вас окружает.

– Спасибо за предостережение, – сквозь зевоту прошептал Максим.

Глава третья. Зои

Это был Максим. Никаких сомнений. Зои много слышала о нём за последние два дня. Он казался располагающе степенным, задумчивым. Нет, Зои понимала, что это лишь первое впечатление, однако доверилась ему. Решила пересесть к Максиму со своим подносом. Он всё равно сидел один. Почему бы и нет? Это будет забавно. Вообще Зои не любила общаться. Просто не знала, о чём говорить. Вот соберутся все на веганскую вечеринку, или не обязательно веганскую – на любую вечеринку, и говорят, смеются, а Зои теряется. Но к Максиму она всё-таки подседа. Потому что ей стало интересно.

– Привет.

Сказала это по-русски. Думала, Максим начнёт спрашивать, как она поняла, что он из России, но Максим просто кивнул и ни о чём таком спрашивать не стал.

– Я Зои!

Зои протянула через стол руку. Максим пожал её нехотя, да и не пожал вовсе, а едва коснулся, скорее символически, и тут же вернулся к завтраку. На подносе у него стояли омлет с овощами, овсянка с мёдом и бананом, масала-чай и манговое ласси. Хорошенький набор.

– Вообще, конечно, меня зовут Зоя. Но я всем говорю, что я Зои. Точнее даже, Збуи. Как Зои Салдана или Зои Кравиц, понимаешь? Вот. Но ты можешь звать меня Зоя, если так привычнее, хорошо?

– Хорошо. – Максим посмотрел на её лицо.

Зои смахнула с головы капюшон и тут же провела ладонью по гладко выбритой макушке. Ждала, что Максим удивится. Развеселилась, увидев, что в его взгляде не промелькнуло даже тени удивления. Ни цветная татуировка колибри, застывшей на её виске, ни чёрное титановое кольцо в брови, ни розовые тоннели в ушах – ничто из этого не привлекло его внимания. Ну или Максим оказался до тошноты сдержанным: в мыслях охал и ахал, а сам изображал невозмутимость. Зои надеялась, что это не так. Присмирив, она мельком огляделась. Сообразила, что за ними могут наблюдать. Но, кажется, никого из посторонних в столовой не было. Только четыре постояльца из гостевого дома. Она уже видела их раньше.

Столовая, в общем-то, больше походила на кафе в офисном здании. Выбеленные стены, крупная серая плитка на полу, зелёные пластиковые стулья с металлическими ножками, парочка заурядных фотографий в рамках, а главное – панорамные окна, забранные решёткой с широкими ячейками. Максим сидел так, что ему открывался хороший вид на стоявший во дворе баньян.

– Отращиваешь бороду? – Зои посмотрела на мягкую юношескую щетину Максима. Глупый вопрос, но ей хотелось любой ценой втянуть его в разговор.

Максим не ответил. Да и на Зои больше не смотрел. Сосредоточился на еде, будто надеялся скорее покончить с завтраком и выйти из столовой.

– Мне вот всегда было интересно, зачем они бреются. Ну, сосед Патрик из «Вымирания», Шон Коннери из «Скалы». Или Алан из «Джуманджи». Они, как приходят в себя, зачем-то сбривают бороду, странно, да? И волосы срезают, а они там у них такие красивые, густые. И вообще, они поначалу смотрятся брутально, как... звёзды кантри или рока. А в итоге превращаются в каких-то офисных клерков. Зачем? Никогда не понимала.

Максим по-прежнему молчал. Допивал ласси. Ещё две-три минуты, и он уйдёт. Зои ненадолго растерялась, а потом оживилась. Как же она сразу не сообразила? Купить внимание Максима было не так уж сложно. И уж, конечно, не разговорами о бороде Шона Коннери.

– Ты тут давно?

– Пару дней.

– А я семь лет, представляешь?

В точку! Вот теперь он посмотрел на неё с интересом.

– Ну, почти семь лет. На самом деле две тысячи четыреста пятьдесят один день.

– Ты считаешь?

– Нет... Считаю кое-кто другой, а я только подсматриваю, – Зои рассмеялась.

Максим уже не торопился допивать ласси, а Зои наконец взялась за фруктовый салат. Чувствовала, что теперь не упустит Максима.

– Чем занимаешься? – осторожно спросил он.

– Работаю в магазине одежды у «Солнечного кафе». Может, видел? Это в Гостевом центре.

– Видел.

– А в храме, в Матримандире, уже был?

– Только на смотровой площадке.

– Ну, там самое главное внутри. И я не про кристалл из зала для медитаций, слышал о таком? Он классный. Весит больше тонны. Оптически совершенное стекло, которое после отливки охлаждали пять недель. Так вот, там есть кое-что поинтереснее. Подземные тоннели! – произнесла Зои сдавленным шёпотом и опять насторожённо огляделась. – Представляешь? Самые настоящие тоннели под храмом! Их давно закрыли, и про них почти никто не знает.

– Никто не знает, а ты знаешь?

– За семь лет чего только не пронюхаешь, – рассмеялась Зои.

Она чувствовала, что Максиму не терпится расспросить её об Ауровиле. И даже догадывалась, какие вопросы он задаст, но пока не давала ему этой возможности, наслаждалась преимуществом.

– Хочешь, проведу тебя в Матримандир? Можем помедитировать вместе.

– *Помедитировать?* – Максим скривился. – Это вряд ли.

– Почему?

– Я в этом ничего не понимаю.

– Не страшно. Я помогу. Подберу нужные книжки. Ты читал что-нибудь из Матери? Она вот с четырёх лет медитировала.

– Мирра Альфасса? Нет, не читал.

– Напрасно. Там интересно. Начни хотя бы с «Учения цветов».

– Звучит... интригующе.

– Ещё бы! Мать писала, что цветок – это идеал нашего бытия. «Каждый из нас должен стремиться к тому, чтобы уподобиться цветам: стать открытым, честным, равным, щедрым, приветливым».

– *Щедрые и честные цветы?*

Максим покончил с завтраком, но уходить явно не собирался. В столовой тем временем собралось ещё пять или шесть постояльцев, и Зои была этому только рада – в гуле их голосов можно было говорить свободно, не опасаясь, что тебя подслушают.

– Да. Мать учила, что нужно полюбить цветок, позволить ему влиять на тебя. Наладить с ним душевную связь.

– *Душевную связь с цветком?*

– «Когда вы становитесь восприимчивы к душевным вибрациям цветов, усиливается ваша сокровенная связь с вашей собственной душой».

– Это цитата?

– Да. Из «Учения цветов». Я его несколько раз читала.

– И ты во всё это веришь?

– Не знаю, не думала об этом.

– То есть как?

– Ну, просто читала, и всё. Мне это нравится. А верить или нет... Не знаю. Просто всё это любопытно. Мать говорила, что цветы чувствуют красоту. И они умеют любить. Цветение – их форма любви. «Если видите, как цветок раскрывается солнцу, знайте, что в этом он проявляет желание дарить красоту».

Максим тихо вздохнул, однако не стал прерывать Зою.

– В Ауровиле было много цветов. Мать даже делала из них амулеты. Говорят, один такой амулет из лепестков она подарила шотландскому скалолазу. Он потом упал со скалы, метров с десяти, и не просто выжил, а вообще даже не поранился.

– И ты в это веришь?

– В то, что он упал, или в то, что выжил?

– В то, что его спас именно амулет.

– Я такого не говорила. Да и опять же, не думала, верить этому или не верить. Мне просто любопытно обо всём этом читать. Там ведь на самом деле всё запутано, я многого не понимаю. Особенно разговоры про карму. Ведь карма – это закон причины и следствия, так?

Максим неуверенно повёл плечами.

– Тебе воздаётся за все поступки, – продолжала Зоя, – если не в этой жизни, то в одной из следующих. Сделаешь добро, и оно к тебе вернётся. Всё, казалось бы, просто. А вот в Пудучерри – был там? – на базарной площади раньше стояли ребята с белыми голубями. В каждой корзинке – по десять голубей. И туристам предлагалось отпустить их за тысячу рупий. То есть, по сути, им продавали благие заслуги, забавно, правда? Платишь тысячу рупий, отпускаешь голубя, и вроде как это тебе зачтётся. Мелочь, конечно, но ведь последняя соломинка сломала спину нагруженного верблюда. Ты понимаешь, о чём я?

– Да, – кивнул Максим.

– И туристы охотно выкупали голубей. Чувствовали, что делают нечто важное, благородное. Не знали, что крылья у них подрезаны – голуби не могли улететь далеко, а в соседнем квартале их заново отлавливали мальчишки и возвращали назад, на базарную площадь. Самых выносливых хватало почти на двадцать таких полётов, потом они умирали.

Зоя всегда хотелось плакать, когда она пересказывала эту историю.

– Видишь, как всё сложно? – продолжала она слабым голосом. – Ведь получается, туристы покупали для голубей не свободу, а долгие мучения, хотя и не знали этого. И что тогда им засчитается в карму: злой поступок или благое намерение? В жизни ведь так часто бывает. Думаешь, что помогаешь кому-то, а потом выясняется, что твоя помощь, например, развратила человека, лишила его самостоятельности и в итоге погубила. Ну, это я немного утрирую, чтобы объяснить, – Зоя нахмурилась.

Сама не ожидала, что заговорит на такую серьёзную тему. Ненадолго замолчав, решила всё-таки закончить начатую мысль:

– Конечно, проще сказать, что благое намерение искупает любые последствия. Мол, невозможно всё предвосхитить, и ты в итоге несёшь ответственность только за свои мотивы. Многие так и говорят. Ведь бывает и наоборот, люди пытаются кому-то напакостить, а в итоге помогают человеку – делают его сильнее, вовремя показывают несовершенство мира, ну... то есть выступают чем-то вроде предостережения. Ты понимаешь, о чём я, да?

И как тут оценивать поступки? – Зоя развела руками. – С теми же голубями... Ведь можно было догадаться, что там происходит. Проявить чуточку сообразительности. Я вообще считаю, что доброму человеку нельзя быть глупым. Доброта накладывает какую-то ответственность, что ли, требует ещё и проницательности. Прости, я что-то увлеклась... Только хотела сказать, что тут всё запутано. Конечно, с цветами Матери попроще, но и там много любопытного.

Максим слушал внимательно, и Зои казалось, что его внимание вполне искреннее. Так или иначе, он выждал ещё несколько минут, пока Зои не закончила говорить про «Учение цветов», и потом сразу, без предисловий, спросил про «Изиду».

Зои призналась, что слышала об этой фирме и даже знала дом, где когда-то располагался их офис, но в остальном ничего важного сообщить Максиму не смогла.

- «Изиду» давно закрыли. Там теперь магазинчик. Торгуют ароматическими маслами.
- Думаешь, сохранились архивы?
- Не знаю. Это тебе в администрацию надо. А что?
- Ищу человека, который когда-то тут жил.
- А кто он?

Максим помедлил, прежде чем ответить. Наконец сказал, что у него в номере есть фотография.

- Может, ты его узнаешь. Мне бы хоть дом найти, где он жил.

Зои не сдержала улыбку. Она была в восторге от приключеньца, в которое себя втянула, а возможность взглянуть на фотографию, о которой она столько слышала в последние дни, показалась ей просто-таки чудесной.

Из столовой отправились напрямик в гостевой дом. По пути коротко обсудили администратора, пугавшего новичков своим покрытым шрамами лицом, и его вечно жующего бетель помощника Баникантху. Зои было смешно говорить о Салли так, будто она его почти не знала. «Интересно, что бы он сказал, если бы сейчас увидел меня с Шустовым-младшим?» И опять Зои насторожилась. Догадывалась, что за Максимом следят, и только надеялась, что ей повесят, если она потом назовёт их встречу случайной.

Зашли в гостевой дом, быстро поднялись на второй этаж. Зои со смехом рассказала, как однажды сюда повадились ходить обезьяны – они пробирались через балкон, в раскрытые окна. Украли у одного из постояльцев планшет, а потом сидели на пальме и с невозмутимым видом наблюдали за бедолагой, бесновавшимся внизу, грозившим подпалить им зад и ободрать хвост.

– Стой. – Максим перегородил путь рукой, и Зои, не ожидавшая этого, уткнулась в неё грудью.

- Что...
- Тише! – прошептал Максим и дальше пошёл совсем беззвучно.

Зои не понимала, что происходит, и ей это нравилось. Она тут же приняла новую роль и стала на цыпочках красться вслед за Максимом. Следила за его движениями и прислушивалась, надеясь уловить что-то необычное.

Максим остановился возле двери. Присел на корточки и поднял с пола какую-то пластмасску. Прозрачный квадратик.

- Что это? – прошептала Зои.

Максим даже не посмотрел на неё. Выпрямившись, всем телом прислонился к двери и опять замер.

Зои последовала его примеру, встала рядом с ним. Теперь их лица, прижатые к шероховатой филёнке, оказались так близко, что Зои почувствовала настороженное дыхание Максима, и это развеселило её ещё больше. «Вот уж точно, приключеньце», – обрадовалась она и тут услышала голоса в номере.

Говорили два человека. Слишком тихо, чтобы разобрать слова. Кажется, мужчина и женщина. Или две женщины. Трудно сказать.

- Это твой номер? – шёпотом спросила Зои.

Максим кивнул.

– И кто-то к тебе забрался! – она от восторга расширила глаза. – Кажется, говорят по-русски.

- Тише.

Зои на мгновение подумала, что там, внутри, вполне мог быть кто-то из знакомых ей людей. Сталкиваться с ними она не хотела. В испуге отстранилась от двери.

Максим вдруг заторопился назад, к лестнице. Жестом позвал Зои за собой и уже на первом этаже попросил её вернуться в столовую, подождать его там. Зои не спорила. Почти смирилась, что так и не узнает, чем тут всё закончится. Но потом не сдержала любопытства и последовала за Максимом, который вышел на улицу и тут же свернул за угол – продираясь через кусты, направился в сторону балконов.

Вскоре Зои поняла, что именно задумал Максим, и от восторга разве что не захлопала в ладоши. Пожалуй, ничего более увлекательного в этом году с ней не происходило. Если не считать знакомства с австралийским сёрфингистом, который попытался выкрасть её из Ауровиля. Да, забавная история. И всё же Зои чувствовала, что история с Максимом окажется куда более увлекательной; достаточно было вспомнить, чей он сын.

Глава четвёртая. опасное решение

Идея забраться на балкон и подсмотреть, кто именно проник в номер, оказалась глупой. Максим понял это, когда застрял между первым и вторым этажами. Слишком высокие потолки. А на стенах не было уступов, и приходилось подтягиваться исключительно на руках. К тому же здание гостевого дома явно задумали оригинальным, как и весь Ауровиль, поэтому один балкон от другого отделяла дополнительная бетонная плита, выполнявшая роль своеобразного козырька, – чудесная находка горе-архитектора, из-за которой Максиму никак не удавалось подняться. Он едва дотянулся руками до кромки своего балкона, вцепился в неё пальцами, но вскарабкаться не мог. Так и повис, готовый в любой момент пролететь не меньше шести метров и грохнуться в кусты, через которые с таким трудом продирался несколько минут назад.

Опустив голову, заметил Зою. Она стояла чуть в отдалении. Следила за Максимом. Ободрающе кивнула ему, будто он только и ждал её разрешения, прежде чем подняться выше.

Максим злился, понимал, что угодил в дурацкое положение исключительно по собственной воле.

Наверху скрипнула дверь. Опять эти голоса. Непрошенные гости вели себя чересчур спокойно. Не таились. Значит, думали, что опасность им не угрожает. И правильно.

Шорох шагов. Кто-то вышел на балкон.

Максим затаился. В руках от усталости началась дрожь. Постарался удобнее перехватить кромку плиты, в итоге чуть не упал. К тому же от неожиданности стукнулся коленкой о стену.

Шаги приблизились.

Его слышали.

Оставалось прыгнуть в надежде, что кусты смягчат падение и заодно укроют Максима от чужих глаз. Он бы так и сделал, но в следующую секунду увидел над собой женское лицо.

Поражённый, ненадолго забыл об усталости и раздражении.

Мягкий, округлый подбородок. Забранные за уши светлые волосы. И для здешних мест чересчур белая кожа, спрятанная в тени бежевой шляпки.

– Привет, – кивнула девушка и тут же рассмеялась беззвучным смехом.

Максим какое-то время не мог пошевелиться. Не думал, что увидит её здесь, в Индии, и уж конечно, не предполагал, что она окажется в его номере.

Не было времени гадать, как такое вообще могло произойти. Руки окончательно онемели. Теперь в самом деле оставалось только прыгнуть в кусты. Сломанная нога стала бы блестящим результатом акробатической вылазки.

– Ты тут как? – Кажется, девушку забавляло его положение.

Понимая, что побелевшие от напряжения пальцы вот-вот соскользнут с бетонной кромки, Максим приподнялся, насколько хватило сил, и, толкнувшись ладонями, бросил руки вперёд.

Мог запросто сорваться, попутно стукнуться о козырёк, затем о выступ первого балкона. Но, к счастью, уцепился за решётку балюстрады и без промедления подтянулся. Едва закинув ноги на бетонную кромку, успокоился. Теперь можно было отдышаться.

Снизу, где-то за углом, Зоя радостно захлопала в ладоши.

– Тебе помочь?

Максим не ответил. Только зажмурился, будто надеясь, что, открыв глаза, увидит пустой балкон. Однако, сколько бы он ни моргал, Аня оставалась на месте.

Да, это была Шмелёва Аня. В зелёных шортах, белой рубашке и ужасной курортной шляпке.

Аня...

Пройдя мимо неё в номер, Максим уже не удивился, обнаружив там Диму. Тот стоял возле кровати и, словно биту, держал в руках трость. Должно быть, решил, что к ним лезут воры, и приготовился защищать сестру. Максим усмехнулся. Прошёл через комнату. Остановился у входной двери.

Дима и вернувшаяся с балкона Аня смотрели на него с ожиданием и страхом. Должно быть, считали, что Максим ведёт себя странно. Он понимал это, однако не торопился их успокаивать. Так и не придумал, как отнестись к появлению Шмелёвых в Ауровиле.

– Где вы остановились?

– На первом этаже, – не сразу ответил Дима. – Почти под тобой.

Несмотря на жару, он, как и всегда, был в джинсах, в застёгнутой на все пуговицы клетчатой рубашке и начищенных ортопедических ботинках, которые вынужден был носить после перелома левой ноги.

Максим решил, что не будет спрашивать, как и почему Шмелёвы оказались в Индии, как узнали, где он остановился, и как проникли в его номер. Впрочем, на последний вопрос он мог ответить и сам.

– Значит, отмычки у тебя с собой?

Аня и Дима растерянно переглянулись. Не ожидали такого приёма. А на что они, собственно, рассчитывали?

– Да, – кивнул Дима. – Мы... Я подумал, будет весело. Ты ведь не знал, что мы приехали. А тут заходишь в номер и видишь нас.

– Прости. – Аня сняла шляпку и бросила её на кровать. – Надо было предупредить. Глупо вышло.

Дима хотел сказать что-то ещё, но в это мгновение кто-то дёрнул за ручку входной двери.

– Вы кого-то ещё привезли?

– Нет, мы одни, – Аня качнула головой.

Максим отщёлкнул замок и чересчур порывисто толкнул дверь. Едва не ударил стоявшую за ней Зою, о которой успел позабыть.

– Класс! – Зою произнесла это с таким детским задором, что Максиму всё происходящее на мгновение в самом деле показалось забавной игрой. – Я всё видела! Ты молодец. Я бы так не смогла. Там ведь даже зацепиться не за что.

Зоя вошла в номер. Увидела Шмелёвых. Не дожидаясь, пока Максим представит её, назвала себя с уже привычным упоминанием Зои Салданы и Зои Кравиц и с пояснением, что её можно называть просто Зоей.

Дима уставился на неё с нескрываемым восторгом. Гладко выбритая голова, тоннели в ушах и татуировка на лице явно впечатлили его, равно как и суетливая манера говорить. Зоя нервно перескакивала с одной темы на другую, принималась заламывать руки, оттягивать рукава рубашки – расправляла их и вновь закатывала, показывая на запястье плетёный браслет из радужных нитей. Заметив его, Аня оживилась:

– Как у Ренесми.

– Да!

Зоя рассмеялась и добавила, что это точная копия.

– Даже застёжка такая же! У меня ещё рюкзак «Дженспорт».

– Горчичный? – спросила Аня.

– Да. Горчичный. Замша. Точная копия!

Максим с сомнением посмотрел на Диму. Тот в ответ пожал плечами – тоже не понимал, что происходит.

Зоя быстро со всеми познакомилась. Через каких-то полчаса общалась со Шмелёвыми так, будто знала их много лет. Даже успела обсудить с Димой его трость и хромую ногу. Заявила, что это помогло бы Диме стать актёром, потому что иногда бывает так, что здоровые

руки и ноги только мешают сниматься в кино, как в случае с Роуз Макгауэн в «Планете страха» или с другой актрисой, имя которой Зои позабыла, в «Плохой партии» с Киану Ривзом.

Максим устал от этой болтовни и наконец оборвал Зои на полуслове – показал ей фотографию, ради которой они, собственно, сюда и пришли.

– Узнаёшь кого-нибудь?

– Как он изменился, – с неожиданной грустью сказала Зои.

– О ком ты? – насторожился Максим.

– О баньяне... – Зои вздохнула. – Его теперь завесили тряпками, фонариками, корзинками. Как-нибудь попробую всё это убрать. Он тут, на снимке, такой красивый.

Зои долго рассматривала фотографию. Пожалуй, чересчур долго. И в конце признала, что никто из трёх людей под деревом ей не знаком. Предложила показать фотографию кому-нибудь из старожилов. Затем позвала вместе прогуляться до баньяна. Аня эту идею поддержала и, схватив с кровати шляпку, первая устремилась к двери.

– Мать говорила, что баньян – важный символ учения. Настоящий отец или гуру, то есть наставник, должен уподобиться баньяну, – сказала Зои, когда они встали ровно на том месте, где когда-то стояли Шустовы с их другом Сальниковым.

– Мать? – шёпотом переспросил Дима.

– Мирра Альфасса. Местная... святая, – так же шёпотом ответил Максим.

– Понятно. А она странная, да?

– Мать?

– Зоя.

На это Максим не ответил. А в следующий раз, когда Дима попробовал шутить над Зои, вступился за неё и предложил Диме приберечь шутки для кого-нибудь, кто сможет ему ответить.

– Когда баньян молоденький, – продолжала Зои, больше обращаясь к Ане, – у него совсем слабый ствол. Его легко срубить. Потом от его ветвей опускаются воздушные корни, они врастают в землю и сами превращаются в стволы. Видишь, – Зои указала на новый росток воздушного корня. – Мать говорила, что ветви и общая крона – это учение гуру. А новые стволы – его ученики.

И вот проходят десятилетия, проходят века, учеников становится больше, и баньян превращается в целую рощу связанных воедино деревьев. Между ними поют птички, отдыхают животные, иногда протекают речки. Этот баньян, – Зои коснулась ближайшего к ней ствола, – не такой уж старый, к тому же его подрезают. А бывают действительно гигантские – такие вот рощи, о которых говорила Мать. Главный ствол теряется среди других стволов и однажды отмирает. А жизнь, которую он начал, остаётся. Так и учитель однажды уходит, оставляя после себя цветущую рощу учеников. Он умер, его имя забыто, но оставленное им учение продолжает благоухать ещё долгие годы.

Зои ненадолго затихла. Потом улыбнулась и положила ладонь Ане на предплечье.

– Прости, я увлеклась. – Повернувшись к Максиму, добавила: – Оставь мне фотографию. Я поспрашиваю знакомых.

Зои преследовали резкие перепады настроения: от детского возбуждения до неожиданного, почти старческого умиротворения. Максим подумал, что в минуты такого спокойствия, когда у неё не дрожали руки, не бегали глаза, Зои становилась по-своему красивой.

– Фотография мне самому пригодится, но ты можешь переснять её на телефон.

– У меня нет телефона, – Зои с виноватым видом пожала плечами.

Наконец решили сделать обычную ксерокопию и договорились встретиться утром в столовой.

В следующие два дня гуляли по Ауровилию вчетвером, и как-то всякий раз получалось, что Максим шёл с Аней, а Зои – с Димой. Зои вела себя свободно, и Диме это нравилось. Она

брала у него трость, шла с ней, комично прихрамывая на обе ноги, заявляла, что в неё нужно спрятать выдвижное лезвие и при случае использовать его в драке, как это делал Сахарин в «Приключениях Тинтина». Не стесняясь, ерошила Димины кудри, говорила, что сама в детстве ходила с длинной косой. Рассказывала Диме об «Учении цветов» и других книгах Мирры Альфассы. Дима не отставал от неё ни на шаг.

Зои пока что не смогла помочь Максиму. Ни один из её знакомых не признал сфотографированных под баньяном Шустовых, а «Изиду» все называли лишь очередной конторой из сотен тех, что появлялись и закрывались тут каждый год. Но Максим не унывал.

Во вторник Зои предложила прокатиться на бесплатных гостевых велосипедах до Матримандира. Аня вежливо отказалась: не забыла о том, что случилось с братом прошлой осенью. Но Дима рьяно поддержал эту идею, и даже Максиму не удалось его отговорить.

– *Мужик что бык*, – вздохнула Аня и только попросила Зои ехать не слишком быстро. Велосипеды оказались маленькие, ржавые, к тому же с неудобным сидением без регулировки; на поворотах колени то и дело упирались в руль, ехать приходилось с широко расставленными ногами.

Матримандир был сердцем Ауровиля и представлял собой довольно любопытное сооружение. В основе храма, на возведение которого ушло почти сорок лет, были два гигантских перекрещенных эллипса из железобетона. На этих эллипсах держалась сетчатая конструкция, из которой в итоге сложился геодезический купол тридцати шести метров в диаметре. Сферическую основу укрыли полутора тысячами вогнутых позолоченных дисков. Храм напоминал циклопический приплюснутый шарик для гольфа, рухнувший с неба и взбугривший вокруг себя красные глыбы земли.

По словам Зои, Матримандир со всеми прилегающими садами служил символом любимого цветка Матери, цветущего лотоса. Взглянув сверху, можно было бы увидеть, что храм – его сердцевина, а сады – не что иное, как двенадцать лепестков, с которых и начинались главные улицы Ауровиля; от храма они расходились дугами, из-за чего планировкой городок напоминал скрученную спираль галактики.

Такой же галактической была планировка внутри храма, однако изучить его архитектуру Максим отказался: заметил, что они и без того много времени тратят на совершенно неуместные прогулки. После того как Зои вновь упомянула подземные тоннели под храмом, Максим прервал её, заявил, что экскурсия окончена, и отправился в Гостевой центр, чтобы вновь переговорить с администратором. На встречу они пошли втроем с Аней и Димой. Зои их сопровождать отказалась, сославшись на работу в магазине.

Прошло три дня с тех пор, как Шмелёвы объявились в Ауровиле. За это время Максим ни разу не заговорил с ними об их внезапном приезде, впрочем, понял всё и без объяснений. Дима решил-таки несложную загадку из девяти подсвеченных на глобусе названий, вспомнил об индийском офисе «Изиды» и, конечно, догадался, куда именно улетел Максим. Закрыв сессию, Шмелёвы последовали за ним, у них на то были веские основания.

– Мы не могли тебя бросить, – Аня подтвердила рассуждения Максима. Более того, сказала, что это Дима настоял на их поездке: – Он сказал, мы должны тебе помочь, да и... Ты боишься, что люди Скоробогатова придут к твоей маме. А мы боимся за своих родителей. Ведь если ты ничего не найдёшь... Следующими на очереди будем мы. – Аня старалась говорить как можно мягче, будто извиняясь перед Максимом. – Родители уехали в Грецию и думают, что мы с Димой сейчас у моей подруги в Испании, вот так. Пришлось обмануть их.

Максим не упрекал Шмелёвых и только удивился, узнав, что Дима не рассказал сестре про загадку с глобусом.

– Не знаю, Макс... – призналась Аня. – Дима толком ничего не объяснял. Просто сказал, что нужно лететь именно в Ауровиль. А что?

Максим пожал плечами. Всё это не имело значения. Нужно было сосредоточиться на игре, которую затеял Шустов-старший, понять, зачем он привёл их в Ауровиль и почему не оставил других подсказок.

Администратор принял посетителей с неожиданным радушием. Даже попросил помощника Баникантху приготовить им масала-чай. Впрочем, индеец не торопился выполнять его просьбу – сидел на месте, будто ничего не слышал, и только минут через десять отправился наконец за чашками.

Шрамы и ожоги обезобразили Салли: он улыбался, во всём показывал расположение, а его лицо от этого становилось ещё более отталкивающим. Подобное уродство не вызывало страха, только отвращение и сочувствие.

Дима безучастно сидел на белом пластиковом стуле, осматривал необычную конструкцию потолка с вентиляторами и стальными решётчатыми балками. Максим, не уверенный, как лучше вести разговор, тоже молчал. И только Аня поддерживала беседу с Салли, надеясь выведать у него хоть какие-то сведения.

– Может, рассказать ему, что случилось на самом деле? – неожиданно спросил Дима по-русски, не опасаясь, что администратор его поймёт.

– А что случилось *на самом деле*? – Максим нахмурился.

– Ну, твой отец исчез и мог оставить здесь нечто важное, из-за чего гибнут люди.

– Нет, – коротко ответил Максим и больше не добавил ни слова.

Салли внимательно записал имя Шустова, название его фирмы, пообещал непременно что-нибудь выяснить, невпопад спросил о работе столовой. Довольный, кивнул, услышав, что кормят тут хорошо, а других вопросов не задавал. Даже не поинтересовался, с чего вдруг Максим ищет своего отца и чем именно занималась упомянутая «Изида».

Максим не верил администратору. Ни на секунду. Не удивился бы, узнав, что Салли знаком с Шустовым-старшим и даже затаил на того обиду. Отец умел заводить врагов. Выйдя на улицу, Максим сказал, что не хочет привлекать внимания, поэтому больше к администратору не пойдёт.

– И что дальше? – спросил Дима.

– Посмотрим, – Максим в раздражении дёрнул плечами.

Прошёл ещё один день безрезультатных поисков. Максим, отчаявшись, отправился на окраины Ауровиля. Не знал толком, что ищет, понимал тщетность слепых поисков, однако сидеть на месте не мог. Шмелёвы безропотно его сопровождали, и даже Дима, утомлённый долгой ходьбой и прихрамывавший больше обычного, всегда молча шёл следом.

Они выбрались за границы Зелёного пояса. Увидели, что окраинные улочки лежат в запустении. Здесь словно пронёсся ураган, с последствиями которого никто и не думал бороться. За синей сеткой-рабицей стояли недостроенные или просто разрушенные дома. Среди кирпичных остовов и железобетонных каркасов неожиданно встречались вполне ухоженные жилые коттеджи с солнечными батареями и ограждёнными колючей проволокой цветущими садами.

– Вот тебе и город будущего, – без улыбки сказала Аня.

На пыльных, местами осевших дорожках изредка встречались прохожие: белые женщины лет пятидесяти, покрытые татуировками и одетые по-молодёжному беспечно, такого же возраста мужчины с густыми, неуклюже завитыми бородами. Рядом проскальзывали мопеды и однотипные ржавые велосипеды.

В остальном окраины оказались малоинтересными. Вернувшись к гостевому дому, Максим несколько часов просидел под баньяном. Всмотривался в его ветви, вспоминал слова Зои про отца или гуру, подобных баньяну. Представлял самого себя воздушным корнем. Вновь и вновь обдумывал положение, в котором оказался. Наконец принял решение. Ещё два дня назад понял, что всё закончится именно так, однако не хотел рисковать и всячески оттягивал его воплощение.

Максим зашёл к Шмелёвым и сказал Диме, что завтра понадобятся его китайские отмычки:

– Я не верю администратору.

– Да кто бы ему поверил с таким лицом!

– Лица бывают разные, – уклончиво ответил Максим. – Дело не в этом. Он слишком много улыбается.

– Хорошая причина не доверять, – отозвалась Аня.

– В администрации должен быть архив. Они наверняка ведут учёт жильцов. Отец тут долго жил. Значит, должен был отметиться хоть в каких-то списках.

– И что ты предлагаешь?

– Завтра вечером заберёмся в офис Салли.

– Кстати, имя-то женское, что ли? – не успокаивался Дима.

– Найдём архив. Узнаем, где жил отец. Если повезёт, узнаем, в каком здании работала «Изида».

Дима согласился на удивление быстро. Кажется, позабыл, как для него прошла поездка в Норское. И только спросил:

– Зои позовём?

– Нет. Она не должна знать. Для её же безопасности.

– Как скажешь...

Аня тоже противиться не стала и даже настояла на своём участии. Сказала, что лишние глаза не помешают. С этим Максим не мог поспорить.

Глава пятая. Баникантха

Аня чувствовала себя неудобно. Первые дни в Ауровиле ходила в зелёных слаксах, обрезанных под шорты, с оранжевым гульфиком и шлёвками, в белой рубашке с ажурными рукавами и в тряпичных сандалиях, которые купила ещё в Испании. Знала, что хорошо смотрится в таком наряде, но после прогулки с Максимом по окраинам городка решила купить другую, более подходящую одежду. Кожа собственных ног казалась слишком белой; то и дело вспоминались предостережения администратора об участившемся здесь насилии.

Уговорила Диму прогуляться по Гостевому центру и там обошла все магазины. В гостевой дом вернулась перевоплощённой: в жёлтом камизе с растительными узорами и синем шельваре с красными завязками на икрах. Теперь, несмотря на страх перед надвигавшейся вечерней вылазкой, она пребывала в отличном настроении.

В номере Аня не могла отойти от зеркала, осматривала себя и даже сделала несколько снимков, любуясь приталенным кроем камиза, в сущности представлявшего собой тунику с высокими разрезами по бокам. Дима шутил, что сестре осталось нанести на лоб красное пятнышко-бинди, обзавестись десятком цветастых браслетов и тогда уже спокойно идти на рынок – торговаться с индийцами на правах местного жителя.

– Очень смешно. – Аня скорчила гримасу Диминому отражению в зеркале, затем спросила: – Таблетку выпил?

– Нет... – признался Дима и покорно взял блистер, который Аня заблаговременно выложила на стол.

По рекомендациям врача им надлежало каждую неделю выпивать по одной противомаларийной таблетке. Узнав о предстоящей поездке в Индию, Аня первым делом пошла в клинику, куда потом затащила и брата. Вычитала, что из Индии путешественники возвращаются с гепатитом, брюшным тифом, полиомиелитом, японским энцефалитом, паротитом и россыпью других болячек, названия которых Ане показались куда более угрожающими, чем все чернобородые люди Скоробогатова вместе взятые. Она заставила брата вслед за собой привиться – стандартный набор вакцин, которые вообще-то следовало ставить хотя бы за неделю до поездки, – и даже оформила им международные свидетельства, чтобы в случае чего не угодить в карантин.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.